

Устные тексты и практики XX в.

УДК 82-133

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне

Александра А. Поспелова

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,
apospelowa@gmail.com*

Аннотация. Исследование посвящено празднику День деревни, существующему на территории Архангельской области с 1990-х гг. Коллекция праздничных сценариев в разных деревнях свидетельствует о типовой структуре и содержании праздников вне зависимости от места проведения и организаторов. В ходе исследования проанализировано 12 сценариев праздника деревни Белошелье (Лешуконский район), включающих в себя большой массив текстов наивной литературы. Данные тексты попадали к составителям сценария в основном из газет. На примере отдельных стихотворений в статье рассматриваются способы создания образа деревни, принципы указания авторства произведений наивного сочинительства. Выдвигается гипотеза, что сам выбор вертикальной формы записи диктует авторам наивной литературы особый способ осмысления действительности – лирический. Именно это оказывается востребованным для составителей сценария. Стихотворные тексты создают риторическую рамку праздничного дискурса, которая в свою очередь задает механизмы восприятия истории деревни и ее настоящего, предлагаемого слушателям со сцены. Анализ сценариев деревни Белошелье и расшифровки праздничного концерта в деревне Езевец (Мезенский район) в 2018 г. показал, что существуют два способа формульного выражения почтения к своей деревни: *поклон* и *хвала*. В рамках праздничного дискурса деревня и ее жители предстают в образе героев, обладают исключительностью, высокой культурой. Таким образом, тексты наивной литературы, включенные в сценарий, не только заявляют об уникальности каждой деревни, но и предлагают ограниченный набор способов отреагировать на этот факт эмоционально.

Ключевые слова: наивная литература, День деревни, праздник, Русский Север, сценарий, публичный дискурс

Для цитирования: Поспелова А.А. Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 216–235. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

© Поспелова А.А., 2022

The emotional canon of holiday in post-Soviet village

Alexandra A. Pospelova

*Independent researcher, Saint Petersburg, Russia,
apospelova@gmail.com*

Abstract. The research concentrates on the celebration of The Village Day, which exists in Archangelskaya oblast' since 1990. Analysis of the scenarios of this holiday from different villages indicates that they have typical structure and contents regardless of the place, or the organizers. The researcher analyzed 12 scenarios of the celebration from the Beloschel'e village (Leshuconian district); these scenarios include large amount of naive literature texts, which organizers took from the papers. The article shows how the image of the village is created, what are the principles of authorship in naive literature using examples of mentioned scenarios. The author of the article assumes that the choice of the vertical writing dictates lyrical way of comprehension of the world to the authors of naive literature. This way of comprehension appears to be the factor, which attracts the scriptwriters of the holiday.

The verses create rhetorical framework of holiday discourse, and this framework sets mechanisms of perception for both the past and the present of the village (or versions of them, which are translated by the scriptwriters. Analysis of the scripts and the holiday itself (it was recorded in 2018) indicates two ways of verbal reverence to the village: bow and praise. In the frame of the holiday discourse, the village itself and its inhabitants are represented as heroes: they are exceptional, highly cultured. Thus naive literature texts, which are included in the scenario, suggest not only the exceptionality of the village, but also the limited set of ways of emotional reaction to that fact.

Keywords: naive literature, Village Day, holiday, Russian North, scenario, public discourse

For citation: Pospelova, A.A. (2022), "The emotional canon of holiday in post-Soviet village", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 216–235, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

Праздник День деревни появился на территории Архангельской области во второй половине 1990-х гг. Само название праздника подталкивает исследователя сопоставить его с Днем города. Как пишет Е.А. Мельникова, «интерес к малой родине оживился в 1960-е гг. В это время появились народные и общественные музеи, заработали школьные краеведческие кружки. И только во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. наряду с активным националь-

ным движением возникло движение региональное»¹, и празднование Дня города распространилось по России за конец 1980 – начало 1990-х гг. Таким образом, День деревни поддерживает тенденцию регионализации. Безусловно, так же, как и о Дне города, о новом деревенском празднике можно сказать, что «это праздник локальной солидарности, существующий и востребованный для того, чтобы <...> сообщество могло увидеть и почувствовать себя единым целым. <...> Мы приходим <...> как зрители, чтобы в который раз увидеть официальную картину того, чем являемся»². Однако именно опыт участия в городском массовом празднике позволяет увидеть, что День деревни сильно отличается от привычных для горожан праздничных мероприятий. Очень часто, делаясь впечатлениями после праздника, мои коллеги по экспедиции говорили, что испытывали некоторое чувство неловкости.

Праздник День деревни может длиться от одного до трех дней, в зависимости от желаний и возможностей организаторов. В деревне Езевец (Мезенский район) День деревни отмечался только два раза (2016, 2018) и продолжался день. В деревне Родома (Лешуконский район) в 2014 г. праздник был разделен на два дня, причем идущих не подряд. Один день (9 июля) организаторы предложили посвятить походу в часовню в честь праздника Владимирской иконы Богородицы. В другой день (16 июля) был торжественный концерт и застолье после него. Наиболее масштабно День деревни праздновался в деревне Белошелье. В 1998 г. он начинался с одного дня, разросся до трех в 2007-м и снова сократился уже до двух в 2012-м.

Праздник День деревни может состоять из следующих частей:

1. Посещение кладбища, часовни или другого святого места/ мемориала.
2. Торжественное открытие обелиска/клуба/музея и т. п.
3. Митинг у обелиска или на кладбище.
4. Торжественный концерт в клубе или на улице в центре деревни.
5. Застолье (в том числе с играми, песнями и танцами).
6. Дискотека.

В данной статье я остановлюсь на дискурсивной составляющей праздника – на его сценарии.

Специфика праздников в описываемых деревнях отражается лишь в некоторых подробностях сценария, касающихся фактиче-

---

¹Мельникова Е. День города: изобретенная традиция и праздник локальной солидарности // Эксперт. 27 мая 2017. URL: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/> (дата обращения 2 января 2022).

²Там же.

ской информации о деревне. Общая же структура праздничных сценариев всегда одинакова. В качестве примера я буду использовать 12 праздничных сценариев с 1998 по 2012 г. из деревни Белошцелье (Лешуконский район), которые хранятся в личном архиве их составителя (СГН, ж., 1950 г. р., Нарьян-Мар).

Важно отметить, что в архиве СГН хранится как сценарий (с выстроенной последовательностью праздника и распределением слов между исполнителями), так и черновые выписки к сценарию. Часто стихотворения и песни, которые включаются в праздничный текст, вынесены за рамки самого сценария и приведены только в дополнительном «материале» (это слово использовала в беседах с собирателями сама СГН), то есть в приложении к сценарию.

Все рассматриваемые мной сценарии праздника схожи по своему составу, но очень неоднородны. Канон праздника формировался постепенно. Но уже сценарий 1998 г. отражает основные тенденции праздничного канона и включает следующие элементы:

- Речь ведущих:

1. Историческая справка (по книге А.В. Новикова «Лешуконье»).
2. Статистические и документальные справки о деревне, списки имен.

3. Поздравительные обращения, тосты.

4. Правила игр и конкурсов.

5. Стихотворные приветствия ведущих.

6. Напутствия и пожелания ведущих.

- Речь исполнителей:

1. Тексты песен хора.

2. Сценки.

3. Стихотворения «на случай».

Обязательной частью белошцельского праздничного сценария является историческая справка о деревне. Она зачитывается ведущими со сцены и представляет собой выдержки из книги краеведа А.В. Новикова «Лешуконье». По словам ШЛГ (ж., 1953 г. р., Конешелье), художественного руководителя местного хора «Рябинушка», Белошцелье была одной из первых деревень Лешуконского района, которая начала проводить праздник День деревни, а сама идея о его необходимости возникла после выхода книги А.В. Новикова. Благодаря этой книге стали известны годы основания деревень Лешуконского района. Таким образом, праздник приурочивается ко «дню рождения» деревни.

Историко-биографическая часть становится содержательным ядром сценария. Справка об истории Белошцелья представляет собой безличное повествование и прямое цитирование книги Новикова (хронологические справки, выписки из исторических документов

и т. д.) и отражает этапы развития деревни: прирост и убыль населения, основные промыслы, поголовье скота и надой в колхозе, число жителей, участвовавших в Великой Отечественной войне и т. п. Точность задокументированных фактов свойственна определенному функциональному стилю. Если пользоваться критериями стилистики, то функциональный стиль этой части сценария можно определить как официально-деловой³. Интересно, что староста Езевца, впервые организовавший День деревни в 2016 г., назвал свое выступление на празднике *докладом*, прямо указывая ориентацию на устную форму административно-канцелярского языка. Праздник, противопоставляемый будням и работе, оказывается площадкой, где звучит речь канцелярии. Наполнение речи числительными и канцеляризмами является одним из способов остранения – рассказать о деревне, знакомой всем участникам праздника, так, как если бы на нее смотрел посторонний человек. Такое остраненное описание деревни в некоторых сценариях дополняется фрагментами биографий ее жителей или историями рода. Также в течение концерта жителей приглашают на сцену, чтобы «прославить» по какому-либо поводу: в честь годовщины свадьбы, юбилея, как старейшего или самого юного жителя деревни, за многодетность и др.

В отличие от исторических и статистических справок, тексты других жанров (приветствия ведущих, стихотворные поздравления и напутствия, песни хора и стихотворения «на случай») выполняют функцию не содержательного, а риторически-эмоционального оформления праздника или функцию связки разных фрагментов всего сценария. Такие стихотворные или прозаические фрагменты предлагают выразить свое отношение к объекту говорения – деревне.

(1)

Наверное, все в деревне мечтают,
Я же вот что увидел во сне.
Мне приснилась река, серебром вся мерцающая,
И красивые рыбки сверкали на дне.
А когда я увидел деревню мою,
То понял, что так никого не люблю <...>
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 1)⁴.

³Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2006. С. 276, 581–583.

⁴Здесь и далее приводятся тексты из собрания сценариев деревни Белошелья, попавшие в фольклорный архив (Лешуконское собрание) в 2016 г. Нумерация листов рукописи наша. – А. П. Орфография составителей сценариев сохранена.

(2)
Еще же Лешуконие
Красой своею славится.
Спокойствием и радостью
Людей одарит всех.
Так будем прославлять ее!
И миру представлять ее,
Чтоб знали все, что есть еще
Рай Божий на земле!
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 4)

(3) Заключение праздника
Заглянули в старину мы
Может быть не до конца.
Праздник наш старинный
Всем затронул нам сердца.
Всех не спеть частушек, песен
Добрых слов не всех сказать
Белошельский край наш чудесный
Как и вся Россия – мать!
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 7)

(4) Сегодня мы заглянули в далекое прошлое нашего народа, увидели как поистине талантливы были русские люди. Каких только песен, сказок, преданий, былин, пословиц не создавали они. Радости и печали, надежды и ожидания, мечты о счастье – все отразилось в творчестве наших далеких предков. Опыт жизни наших предков помогает нам создать будущее, делает нас богаче и красивее. Не зря говорят «Земля, завещенная предками, очень богата» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 24).

Заведующая белошельским клубом и главный организатор праздников с 2011 г. говорила в интервью о выборе песен и стихотворений:

Вот и подбирали материал, как говорится, где-то стихотворение, например, если он охотник там, рыбак-охотник, значит, стихотворение про него. Если хозяйство есть у нас, значит, у нас, значит, берем уже дом, масло и сливки – и вот это стихотворение у меня тоже было, всё у себя вот. <...> Где старинные песни пели, когда если знаем, что они любили эту песню там, старинную. Потому мы старались посвятить им, что песню им, какую знали, песня какая нравится. Старались тоже где-то сценку поставить.

Стихотворения и песни действительно иллюстрируют историко-биографическую часть сценария, если, конечно, они не

посвящены Великой Отечественной войне, деревне вообще и переживаниям за ее судьбу. В тексте сценария можно найти стихотворения, посвященные людям различных профессий и занятий: учителям, трактористам, рыболовам, дачникам и т. д. Тексты большинства стихотворений, как замечала в беседах с нами СГН, главный составитель сценария, в основном были взяты из газет, вырезки из них иногда встречались и в ее собрании сценариев. Такие тексты можно отнести к тому, что называют «наивной литературой» или «наивным сочинительством».

Выделение наивной литературы в отдельный тип письма часто делается через противопоставление литературе, принимаемой за образец, то есть ненаивной, качественной, и в оппозиции фольклорным текстам. Говоря о специфике наивной литературы, Н.Н. Козлова и И.И. Сандомирская [Козлова, Сандомирская 1996, с. 39] отмечают, что, как правило, «высокая культура – культура универсальная, т. е. все то, что не является этноспецифическим. Фольклор же – то, что не является высокой культурой, но в то же время, несомненно, присутствует в культуре как элемент целого. Помещение наивного текста в эту дихотомию не предусмотрено. Ему нет места. Интерес к “наивному письму” – симптоматика отхода от советской культуры». При спорности множества выдвинутых и обсуждаемых критериев, один по-прежнему остается действующим. Если «человек говорит от себя, но *не своим языком*» [Козлова, Сандомирская 1996, с. 18], по всей видимости, перед нами текст «наивной литературы». М.Л. Лурье [Лурье 2001, с. 23] писал о специфической амбициозности авторов «наивной литературы»: «как значимое и ценное осознается обычно не художественное совершенство произведения, а исключительность своего содержания, и автор видит свою заслугу именно в том, что “донес” это содержание до других людей – односельчан, потомков, потенциальных читателей». При этом «наивные» стихотворения опознаются легче «наивной» прозы. Если основная цель автора текста такого рода – дополнить контекст истории, показать свою правду, тогда возникает вопрос, как с этой целью соотносится стихотворное творчество и зачем оформлять свой «жизненный материал» в стихотворную форму.

В качестве примера я рассмотрю небольшое стихотворение, приведенное в сценарии праздника 2007 г. в деревне Белошцелье.

Не исчезай, мое село –
Твой берег выбрали поляне,
И ты в него, судьбе назло,
Вцепилось своими тополями.

Прижмись стогами на лугу
И не забудь в осенней хмари:
Ты – будто «Слово о полку» –
В одном бесценном экземпляре
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 27)⁵.

Стихотворение завершает сценарий «вечера встречи “Не исчезай, мое село”». В тексте праздничного сценария имя автора не указано, но мы его знаем. Это Николай Федорович Дмитриев⁶ (1953–2005), уроженец села Архангельское Рузского района Московской области, с 1977 г. член Союза писателей. Как замечает С. Неклюдов [Неклюдов 2001, с. 10], «переход “наивного творчества” в фазу “литературной самодеятельности” (вхождение в различные ЛИТО) повышает не только уровень писательской грамотности автора, но и его статус, модифицирует его коммуникативные установки (отношения с реальной или потенциальной аудиторией) и шкалу эстетических ценностей, что влечет за собой и смену литературных ориентиров». Факт помещения его стихотворения в сценарий Дня деревни дает возможность определить творчество Дмитриева в группу письменных текстов особого рода. Несмотря на то что Н.Ф. Дмитриев состоял в институции, признающей его писательскую деятельность, стихотворение можно отнести к области «наивной литературы». Составители сценария не указывают авторство, ставят текст Дмитриева в один ряд с подобными стихотворениями неопределенного авторства, оказавшимися вместе лишь по причине тематического соответствия сценарию праздника: «дело не в том, кто писал, дело в предмете» [Аверинцев 1994, с. 108].

Когда сценарий белощельского праздника только попал к нам в руки, нас – участников экспедиции – поразило несоответствие описываемой в стихотворении действительности с тем, что мы наблюдали в деревне Архангельской области. География распространения этого стихотворения невероятно широка: сибирское село Еремино отмечает 220-летие⁷, Карагайский район (Пермский край)

---

⁵Текст из сценария, приведенный здесь, несколько отличается от стихотворения с личного сайта автора и других вариантов использования.

⁶Официальный сайт поэта Н.Ф. Дмитриева. URL: <http://nikdmitriev.narod.ru/> (дата обращения 8 октября 2020).

⁷Перкова М. Не исчезай, мое село // На земле троицкой. 10 июля 2015. URL: <https://trogazeta.ru/daty/ne-ischezaj-moe-selo/> (дата обращения 16 января 2022).

отмечает 85-летие⁸, ученица 10-го класса пишет об исчезнувшем селе Кировской области⁹ и т. п. Очевидно, что при выборе стихотворения составители сценария ориентировались вовсе не на историческую достоверность («твой берег выбрали поляне») и не на собственную речь (на Мезени в основном и чаще ставят зароды, чем отдельные стого). Причина выбора стихотворения, по всей видимости, связана не с фактами, а с эмоцией – отношением говорящих к тому, о ком или чем они произносят определенный текст со сцены, – которая в сценарном дискурсе оформляется с помощью риторических средств.

В сценарии белошельского праздника авторы подобных стихотворений указаны довольно редко. Это делается только в том случае, если стихотворение написал уроженец Белошелья или соседних деревень: «Стихотворение “Мама” – Матвеевой из Олемы читает Семенова Анна Арсентьевна» [ФА СПбГУ Леш-16, л. 35], «Песня “Щельванская”. 1. Сочинителем этой песни был местный белошельский крестьянин Семен Борисович Семенов. <...> А вот еще послушайте его стихот. Это стих-ние мы нашли после смерти Чур. Алексея Даниловича» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 42). Эти стихотворения, как и все остальные, тематически включены в общий массив сценария. Однако они наделены авторством. Указание автора конкретных стихов подчеркивает значимость истории этой конкретной деревни в контексте большой (в том числе литературной) истории. Тем самым не сам стихотворный текст, а наличие и указание его автора оказывается важнее для его включения в праздничный сценарий. Если исторические справки и хронологические таблицы подчеркивают величественность истории деревни, то обнаружение авторства нескольких текстов свидетельствует о величественности словесной культуры деревни.

Однако по содержанию тексты земляков, т. е. белошёл, никак не отличаются от стихов Н.Ф. Дмитриева и других неуказанных авторов. Как уже отмечалось, несоответствие окружающей действительности и фактам большой истории неважны для включения стихотворения в сценарий – факты проговариваются в другой его части. Стихи же (как и некоторые прозаические приветствия или напутствия ведущих) иллюстрируют эти факты и с помощью

---

⁸ *Кожевникова С.М.* Литературно-музыкальный вечер «Не исчезай, мое село!» // Первое сентября: Открытый урок. URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/568910/> (дата обращения 16 января 2022).

⁹ *Червопкина Е.* Не исчезай, мое село! Эссе-размышление // Алы паруса: Проект для одаренных детей. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2016/07/23/ne-ischezay-moe-selo> (дата обращения 16 января 2022).

риторических средств предлагают коммуникантам праздника эмоционально на них отреагировать. Приведу в пример стихотворение уроженки д. Белощелья Евгении Гавриловой:

Север мой *любимый*,
Милый край родной,
Лес под небом синим,
Склоны над рекой.
Тишиной все дышит,
Счастье и покой,
Точно, как природа,
Раннею весной.
Здесь мы все родились,
Здесь теперь живем,
И о жизни этой
В песнях мы поем.
Как чудесны песни
В *милой* слободе.
Протяжные, *задушевные* –
Нет таких нигде!
А какие люди
В северном краю
Их, скажу вам честно,
Очень я люблю
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 28).
(Курсив наш. – А. П.)

Далее следует перечисление качеств жителей северного края (добрые, сердечные, красивые, счастливые) и их бытовых занятий (рыбалка, выпас скота, топка печи, заготовка запасов на зиму, выпечка пирогов и т. п.). Уникальность деревни и ее жителей (ср. у Дмитриева: «Не забудь в осенней хмари: / Ты <...> / В одном бесценном экземпляре») подчеркивается с помощью статичных и типичных «психологических» пейзажей и аккумуляции ценности обыденной жизни.

Как уже не раз отмечалось, одним из признаков наивной литературы (помимо некавалифицированности ее авторов) выступает ориентация не на форму, а на содержание. Нужно, однако, уточнить некоторые особенности словесного творчества такого рода в связи с противопоставлением формы и содержания.

Во-первых, в случае со стихотворным творчеством, форма имеет значение. Сам выбор не прозаической, а стихотворной формы свидетельствует о намерении автора а) заявить о себе как о поэте,

то есть литературном деятеле, творце; б) о желании говорить не о «жизненном материале», а об эмоции. «Жизненный материал» в сценарии оформляется официально-деловым стилем, который выбирается составителями в качестве оппозиции разговорно-бытовой речи. Этот стиль переносится из газетных текстов. Художественная речь (по крайней мере, в сценарии Дня деревни) маркируется стихотворной формой и выполняет задачу сформировать отношение аудитории к «материалу». Выбор формы для наивной литературы автоматически совпадает с выбором рода литературы – лирики. Заявляя о своем авторстве, создатель текста хочет войти в контекст литературы, с приемами и образами которой он пытается работать. Творчество поэтов-деревенщиков 1960-х гг. в этой связи дает большое подспорье для современных сочинителей. Так, например, стихотворение Н.М. Рубцова «Зимняя песня» («В этой деревне огни не погашены...») часто исполняется на праздничных застольях. Интересно, что стихотворения С.А. Есенина, близкие по тематике (например, «Край ты мой заброшенный»), не исполняются, возможно, из-за ярко формально выраженного авторства.

Во-вторых, содержание отличается от прозаических излюбленных жанров наивной литературы, поскольку не предлагает конкретных фактов, историй из биографий и других важных мельчайших подробностей жизни деревни. Самая распространенная тематика этих стихотворений – любовь к малой родине. Причем такая любовь часто связана с памятью: за воспоминанием о деревне должно следовать возвращение в нее, то есть участие в празднике – таким образом можно подтвердить свою любовь к ней. Как замечает Лурье [Лурье 2001, с. 28], «концепт памяти вообще занимает ведущие позиции в творческом сознании многих “наивных” авторов». Эта тема не дает возможности обратиться за помощью с формой к лирике традиционного фольклора. В тексте сценария стихотворения часто выступают в качестве иллюстрации, картинки-заставки по конкретному случаю. В таком случае можно говорить об использовании (а не написании) «стихотворений на случай». Существенная часть стихотворений посвящена темам деревни, домам и жизни ее пожилых жителей. В определенном смысле можно сказать, что это стихи «на случай» праздника деревни. Получается, что внимание автора к содержанию своего текста ограничивается только тематикой. Остается непроясненным вопрос, почему в сценарий включается такое количество однотипных стихотворений на одну тему?

Вертикальная организация текста влечет за собой лирическое осмысление мира. То есть содержанием («жизненным материалом») является не окружающий мир, а личные переживания автора, составителя сценария и исполнителя. Нельзя однозначно сказать,

что в таких стихотворных текстах конструируется определенный образ деревни: он получится крайне условным и обобщенным. Обращение к личному переживанию может происходить, как в стихах Е. Гавриловой, через опыт повседневности, причем опять довольно обобщенный. Уникальность деревни и ее жителей, на которой настаивают авторы, становится не фактом, а тем переживанием за свою деревню, которое предлагается разделить зрителям концерта.

Наличие большого числа подобных текстов дает возможность проанализировать механизмы, с помощью которых сообщение о необходимом эмоциональном переживании доносится до слушателей. Нестихотворные комментарии ведущих, которые не относятся к историко-биографическому блоку, заимствуют риторические приемы из стихотворений.

Одним из них становится использование в речи ведущих форм совместного действия и собственно императива.

(1)

Поклонись до земли своей матери
И отцу до земли поклонись,
Мы с тобой в долгу неоплаченном,
Свято помним об этом всю жизнь
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 35).

(2)

Пройдемся по родной деревеньке, как бывало, с песнями, плясками, шутками. Пусть сегодня зазвенит, запоет, запляшет деревня, как встарь (ФА СПбГУ Леш-16, л. 104).

Ни в одном из приведенных примеров глагол не употреблен в прямом значении. В примере (2) ведущие предлагают во время концерта, слушая текст и смотря на фотографии на экране, вспомнить жителей всех домов в деревне. Важно при этом, что сами жители этих домов в момент «прогулки» находятся в зрительском зале клуба. Глаголы «поклонись» и «помним» из примера (1) связаны друг с другом по принципу причины и следствия: «поклонись», потому что «свято помним». И слово *поклониться* вовсе не подразумевает, что слушатели концерта совершат соответствующее телесное действие. Это действие остается исключительно на вербальном уровне. Вопрос заключается в том, что за действие совершает говорящий, употребляющий в своей речи такие слова.

В тексте белошельского сценария встречается 56 лексем, связанных с *поклонением*. Большую роль в указании на семантику каждого отдельного поклона-лексемы играет адресат, которому он направлен.

Национальный корпус русского языка помогает выявить типичных адресатов поклона. Однако сопоставление сценария Дня деревни и поэтического корпуса или подкорпуса наивной поэзии акцентологического корпуса не дает искомого результата: авторы этих текстов работают с художественным словом, используют его как троп. Примечательно при этом, что больше половины словоформ глагола *поклониться* в текстах наивной поэзии стоят в сильных позициях: 84 из 200 в позиции рифмы и 45 в начале строки. В материалах газетного корпуса глагол *поклониться* обычно предполагает в качестве адресата иконы или мощи, могилы (писателей, солдат или предков), людей, которых причисляют к категории героев (спасателей, фоторепортеров в горячих точках, учителей с низкой зарплатой и т. п.). Форма инфинитива чаще встречается в контекстах о покойных или могилах (26 случаев из 100) и о предметах, причисляемых к святыням – в основном иконы и мощи (38 из 100). Если же говорящий «кланяется» в знак благодарности (15 из 100), то он таким образом повышает степень благодарности, а поступок адресата иногда сравнивает с подвигом¹⁰.

Примечательно, что одна треть из всех словоупотреблений личных форм глагола «поклониться» (20 из 62) приходится на контексты, которые отсылают к песне «Поклонимся великим тем годам» (слова В. Львова, музыка А. Пахмутовой – 1983, 1985).

Этот текст предлагает как слушателю, так и исполнителю широкий, но, впрочем, ограниченный набор адресатов поклона. Причем этот поклон предстает в песне в функции императива (в форме совместного действия), что подчеркивается многократным повтором слова. Благодарность всем «мертвым и живым» Великой Отечественной войны, выражаемая в форме вербального поклона, подчеркивает необыкновенно высокий, сакральный, статус адресатов. И в то же время задает определенный способ выражения своего почтения, которое «составляет семантическое ядро поклонов как таковых» [Голубовский 2008, с. 55].

Приведенные примеры иллюстрируют закрытый ряд ситуаций, когда говорящий использует в своей речи глагол *поклониться*. В сценариях Дня деревни он используется в схожих контекстах. Как правило, поклон обращен или к предкам, или к погибшим воинам, также и женщинам, овдовевшим во время войны.

---

¹⁰ Можно сравнить с контекстами употребления существительного «поклон» в НКРЯ. В ситуации благодарности чаще будет употребляться устойчивое словосочетание «низкий поклон» или «земной поклон». Статус адресата в этом случае также повышается, а причина благодарности становится равной подвигу.

(1)

Чтоб всегда было вам куда приехать с чужой сторонushки, поклониться родному дому и могилам родных и близких (ФА СПбГУ Леш-16, л. 34).

(2)

А сейчас мы хотим просто поклониться своим предкам
И молим их о том, чтобы погода нам благоволила
И чтоб праздник удался (ФА СПбГУ Леш-16, л. 82).

(3)

Склоните голову перед памятью верного сына Родины.
Память о подвиге отцов и дедов должна жить
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 99).

(4)

Победный май опять шумит листвою
И время берedit былые раны –
Поклон вам низкий, наши вдовы
(ФА СПбГУ Леш-16, л. 48).

(5)

Мы, живущие здесь, приходим сюда каждую весну – 9 мая, чтобы поклониться тем, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Многие из вас приходят сюда 22 июня, чтобы положить к подножию памятника цветы, склонить головы перед памятью павших (ФА СПбГУ Леш-16, л. 43).

Можно предположить, что в праздник День деревни проникает вербальный код [Толстая 2007, с. 23–32] Дня Победы как дня поминовения. Тексты, в которых встречаются поклоны, по большей части являются в сценарии периферийными. Для прямого цитирования Дня Победы выделен отдельный День Памяти. Однако способ восприятия исторического события через поклоны погибшим солдатам переносится и на историю деревни в целом – поклоны обращены ко всем предкам жителей Белошцелья. Наиболее интересны случаи, когда адресатом поклона становится сама деревня.

(6)

Я на миру живу не горбясь
Я для тебя храню поклон
Моя Архангельская область
Лешуконской район
Деревня Белошцелье (*кланяются*)
(ФА СПбГУ Леш-16. л. 28, 40, 82).

Строчка из постоянной песни в репертуаре хора – «Я старой деревне хочу поклониться» – даже выносится в название праздника. Примечательно, что праздник с таким названием проходил в деревне Конещелье, которая перестала существовать в 1960-е гг., в период ликвидации неперспективных деревень. Таким образом, использование глагола *поклониться* по отношению к деревне приравнивает ее к погибшим героям и наделяет особой святостью. Праздник День деревни, который отмечается в честь дня рождения деревни, оказывается сходным с поминовением усопших. Качества героичности и святости, которыми наделяется деревня через такое выражение благодарности и уважения, наполняют поклон дополнительной семантикой поклонения. Поклониться деревне – значит, поклоняться ей, чтить как святыню¹¹.

Такой способ публичного говорения о малой родине конструирует модель эмоционального восприятия ее истории. Причем эта модель создается не только на уровне слов, но и поддерживается телесным действием: ведущие иногда кланяются со сцены. Митинг, где ведущие прочитывают длинные списки погибших на войне, вспоминание того, кто раньше жил в деревне, стихотворения, написанные в ностальгической тональности, и призыв ведущих создать летопись деревни – все это помещает деревню в прошлое. Будущее деревни осмысливается именно через ее прошлое. О деревне остается возможным только вспоминать и поклоняться ей, как погибшему герою.

В этом отношении очень значимо стихотворение, приведенное в тексте сценария 2006 г.:

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве:
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.
И два горшка на частокле,
И пядь невспаханной земли
Как символ брошенного поля
Давно лежащего в пыли.
И пусть поет в тоске и боли
Непротрезвевший гармонист
О непонятной «русской доле»
Под тихий плач и ветра свист...

---

¹¹ Об этом см.: *Поспелова А.А. «Я старой деревне хочу поклониться»: семантика поклона на современном деревенском празднике // Материалы XX Открытой конференции студентов-филологов. Санкт-Петербург, 17–21 апреля 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 206–211.*

И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах.
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.
Пусть рядом робко станут дети,
Что в деревнях еще растут,
Присядут бабы на скамейку,
И все в них будет как всегда –
И сапоги, телогрейки,
И взгляд потухший – в никуда.
Поставьте памятник деревне
(ФА СПбГУ Леш-16. л. 23)¹².

Воображаемый памятник деревне становится объектом поклонения. Он воплощает в себе ее историю и героическую смерть. Сакрализованная деревня существует лишь на уровне сценарного дискурса – лишь пока о ней говорят. Делая деревню объектом речи (а в речи – объектом поклонения), составители сценария невольно отдают ее от себя. Призывая же зрителей поклониться предкам или деревне, ведущие, напротив, стараются приблизить ее с помощью обращения к воспоминаниям гостей. А призыв вспомнить свою историю оборачивается поклонением памяти деревни. Кроме того, само обращение к истории также становится действием, заслуживающим поклона в знак благодарности: «Низкий поклон и вам за вашу память, за ваше стремление вновь и вновь возвращаться к истокам...» (ФА СПбГУ Леш-16, л. 101).

Таким образом, риторика сценария предполагает переживание исчезновения и умирания деревни. Стихотворениями и песнями с покаянно-поминальной интонацией подкрепляются и высказывания ведущих:

И.О. Еще в 1992 г. в деревне проживало около 100 жителей, была животноводческая ферма. Все это вы помните, да? На которой содержали до 120 голов крупного рогатого скота. Вот жизнь была, да, согласны? А сейчас в вашей деревне постоянно проживает сколько жителей?

<Зрители> Тридцать четыре!

И.О. Примерно. Тридцать четыре жителя! Но, я думаю, она *еще достойна*, да. Для такой удаленной деревни очень даже *неплохо*. Ну что ж... А! Ну, конечно же, как и многие деревни на Севере, Езевец по-

---

¹² См.: Николай Мельников. URL: <http://www.nmelnikov.ru/> (дата обращения 20 января 2022).

пала в разряд неперспективных. Закрылись все учреждения, наверно, которые здесь были. Клуб, как вы говорили, уже что сгорел. Закрылась школа, закрылась ферма. И люди стали покидать насиженные места и уезжать. Кто в райцентр, кто, наверно, в областные города, да. Но, я думаю, вопреки всему, как мы уже увидели, успели заметить... *Живет и процветает!* Так что *хвала вам, уважаемые езевчане!* (ФА СПбГУ, запись концерта 21.07.2018)

Переживания об угасании деревни, страх утраты малой родины, с одной стороны, вписаны в историческую часть сценария – это заключительный этап истории деревни, с другой стороны, комментарии ведущего риторически оформляют историю и предлагают жителям принять на себя роль героев, которым можно или *поклоняться*, или *петь хвалу*.

Риторическая рамка сценариев в разных деревнях почти не отличается. Различны лишь принятые словесные формулы выражения почтения и уважения. Так, в сценариях Белошелья ведущие призывают «поклониться» героям, труженикам и другим жителям деревни, а в Езевце жителей и саму деревню «славят»:

И по заслугам *славим* мы людей,
Кому село, семья на деле всех важней.
И, конечно же, мы с вами *славим* вашу замечательную деревню
(ФА СПбГУ, запись концерта 21.07.2018).

Можно предположить, что подобная риторика наследуется из советской праздничной обрядности. Так, книга о новых советских обрядах 1970 г. практически начинается со слов: «Особая красота и возвышенность новых праздников и обрядов в том, что они тесно связаны с активной деятельностью человека, с его трудом, *воспевают* радость творчества, *успехи коллектива, прославляют труженика*, окрыляют, зовут людей на *подвиги* (курсив наш. – А. П.)» [Нагирняк, Петрова, Раузен 1970, с. 4]. Героизм как погибших, так и живых становится важным переживанием уже на современном деревенском празднике.

Поскольку сценарий Дня деревни включает в себя большой объем стихотворных текстов, подчеркнута насыщенных эмоционально окрашенными риторическими средствами, можно предположить, что те, кто составляет и представляет сценарий праздника, осуществляют и эмоциональный контроль над дискурсом, что влияет на восприятие праздника его участниками. Стихотворения «наивных» сочинителей, звуча со сцены, создают канон восприятия мира, современного слушателям. Воспеваемая исключительно

ность деревни, в том числе в стихах местных авторов, оказывается под угрозой исчезновения. Возможно, именно поэтому деревня и ее жители внутри сценарного дискурса уподобляются героям.

Сценарий праздника День деревни является публичным выступлением и одним из способов официального описания современной деревни. Он представляет дискурсивную версию того, что можно называть деревней вообще или какой-либо определенной деревней, отмечающей свой праздник. При стороннем наблюдении и чтении сценариев праздника, в которые включены списки награждаемых и поминаемых, складывается впечатление, что деревня существует как группа героев. Жителей деревни называют по фамилии, имени и отчеству, предлагая тем самым официальный тип отношений. Риторика таких сценариев часто помещает деревню в ее прошлое: такой эффект можно объяснить большим историческим блоком, обосновывающим повод празднования. Способ отреагировать на прошлое предлагается в поэтических текстах с помощью риторических средств, с которыми работают наивные сочинители. Проживание в деревне, включающее повседневные практики и коммуникации, и публичная речь о деревне на специально посвященном ей празднике не противоречат, но и не соответствуют друг другу.

Представляется, что анализ риторической рамки и вообще дискурса сценария Дня деревни помогает отрефлексировать и восприятие праздника собирателями. Вероятно, то чувство неловкости, которым делились со мной коллеги, вызвано несовпадением праздничных установок городских жителей и текста, звучащего со сцены. Исходя из своего опыта и речи, мы удивляемся и канцелярскому языку, и поминальной тональности праздника.

Сокращение

ФА СПбГУ – Архив фольклорного кабинета филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Литература

- Аверинцев 1994 – *Аверинцев С.С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.
- Голубовский 2008 – *Голубовский Д.А.* Семантика поклонов и поцелуев в «Повести временных лет» и Киево-Печерском патерике // Славяноведение. 2008. № 5. С. 50–61.

- Козлова, Сандомирская 1996 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис: Русское феноменологическое общество, 1996. 255 с.
- Лурье 2001 – *Лурье М.Л.* О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
- Нагирняк, Петрова, Раузен 1970 – *Нагирняк Е., Петрова В., Раузен М.* Новые праздники и обряды. М.: Советская Россия, 1970. 246 с.
- Неклюдов 2001 – *Неклюдов С.Ю.* От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–14.
- Толстая 2007 – *Толстая С.М.* К понятию культурных кодов // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина / Под ред. Н.Б. Вахтина, Г.А. Левинтона. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 23–32.

References

- Averintsev, S.S. (1994), “Authorship and authority”, in *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic perception], Nasledie, Moscow, Russia, pp. 105–125.
- Golubovskii, D.A. (2008), “Semantics of bows and kisses in ‘Tale of Bygone Years’ and Kievo-Pecherskii paterik”, *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 50–61.
- Kozlova, N.N. and Sandomirskaya, I.I. (1996), “*Ya tak khochu nazvat’ kino*”. “*Naivnoe pis'mo*”: *opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniya* [“I’d like to call the movie this way”. “Naive writing”: experience of linguo-sociological reading], *Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Gnozis*, Moscow, Russia.
- Lur’e, M.L. (2001), “About the phenomenon of naive writing”, in “*Naivnaya literatura*”: *issledovaniya i teksty* [Naive literature: researches and texts], *Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond*, Moscow, Russia, pp. 15–28.
- Nagirnyak, E., Petrova, V. and Rauzen, M. (1970), *Novye prazdniki i obryady* [New festivals and rites], *Sovetskaya Rossiya*, Moscow, USSR
- Neklyudov, S.Yu. (2001), “From compiler”, in “*Naivnaya literatura*”: *issledovaniya i teksty*, [“Naive literature”: researches and texts], *Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond*, Moscow, Russia, pp. 4–14.
- Tolstaya, S.M. (2007), “To the concept of cultural codes”, in Vakhtin, N.B. and Levinton, G.A. (eds.), *AB-60. Sbornik statei k 60-letiyu A.K. Baiburina* [AB-60. Collection of articles to the sixtieth anniversary of A.K. Baiburin], *EUSP Press*, Saint Petersburg, Russia, pp. 23–32.

Информация об авторе

Александра А. Поспелова, независимый исследователь, apospelowa@gmail.com

Information about the author

Alexandra A. Pospelova, independent researcher, apospelowa@gmail.com